

На правах рукописи

СМОЛИНА НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА

**Советское/постсоветское
как объект социально-философского анализа:
проблематизация коллективной идентичности**

Специальность 09.00.11 – социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Екатеринбург – 2009

Работа выполнена на кафедре социальной философии
Государственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Уральский государственный университет им. А.М. Горького»

Научный руководитель: кандидат философских наук,
доцент Шабурова Ольга Викторовна

Официальные оппоненты: доктор философских наук,
доцент Круглова Татьяна Анатольевна

кандидат философских наук,
старший научный сотрудник
Фан Ирина Борисовна

Ведущая организация: ФГОУ ВПО «Уральская академия
государственной службы»,
г. Екатеринбург

Защита состоится 17 декабря 2009 года в __ часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.02 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А.М. Горького» (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, комн. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А.М. Горького».

Автореферат разослан __ ноября 2009 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор философских наук,
профессор

В.В. Ким

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования

Системная трансформация российского общества, вызванная стремительным крушением советского мира, является важнейшим объектом социально-философского анализа. Современное «российское» все еще не наполнено собственным, самоопределяющимся содержанием. На большом временном отрезке все отчетливее видна тенденция определения собственных оснований через соотношение с «советским» – либо в духе «негативной идентичности» (с моральным призывом вины и покаяния), либо в духе просоветского неотрадиционализма (с соответствующими концептами «примирение» и «преемственность»). Эти противостоящие позиции подтверждают общую логику, состоящую в признании единой точки отсчета – советского прошлого. Неслучайно базовой номинацией для современного российского общества является определение «постсоветское», что в полной мере демонстрирует незавершенность социального транзита.

Такая сложная и противоречивая ситуация требует серьезных аналитических усилий, именно потому в последние годы российское интеллектуальное сообщество вовлечено в процесс масштабной рефлексии по поводу советского прошлого и его места в современной российской жизни. В социально-философском и общегуманитарном пространстве сформировался некий образ «проблемы советского». В определенном смысле эта проблема пока предстает нерешаемой, хотя усилия предпринимаются по всему «фронту» социальных и гуманитарных наук. Исследовательские трудности во многом определены включенностью самих аналитиков в это не ушедшее до конца прошлое, каждый является носителем советского опыта. Таким образом, исследовательские дискурсы наполняются воспоминаниями и актуальными оценками прошлого, настоящего и будущего. Такая ситуация (и социальная, и исследовательская) порождает необходимость новых социально-философских подходов, стимулирует разработку иных методологических оснований для анализа советской цивилизации.

Проблема «разрывов» в линии идентификаций «русское-советское-российское» определяет актуальность как политико-идеологического, так и социально-философского и аксиологического порядков. Споры об историческом прошлом России постоянно и болезненно актуализируют проблему легитимных ценностей, а они, в свою очередь, определяют ядро коллективной идентичности постсоветского человека. Кризис коллективной идентичности, переживаемый постсоветским обществом, потребность в позитивной коллективной идентичности усугубляются сложностью и плюральностью современного мира, в котором пытается определить свое место современная Россия. Коллективная идентичность современного российского человека оказывается множественной, пластичной, неустойчивой. Она, с одной стороны, вбирает в себя «следы» советского, а с другой стороны, отражает модусы современности – прежде всего, режимы консюмеризма и рамку информационного общества. В этой сложной ситуации процессы коллективной и персональной идентификации оказываются в поле противоречивых воздействий – от ре-

конструкции советских идентичностей посредством особой работы с коллективной памятью (например, «коммерциализация» и политизация ностальгии) до формирования «советского виртуального» в интернет-пространстве. Таким образом, проблема коллективной идентичности советского/постсоветского человека оказывается наиболее знаковой для понимания основных механизмов социальной трансформации, продолжающейся в российском обществе на протяжении последних десятилетий.

Степень научной разработанности темы

Задача представить социально-философский аспект анализа советского/постсоветского затруднена целым рядом факторов: наличием обширного и недостаточно структурированного массива исследований в различных социальных и гуманитарных дискурсах, разновекторностью аксиологических оснований и стилей исследования феномена «советское», сложностями в обосновании методологических моделей анализа и т.д. Вместе с тем, может быть представлена определенная хронологическая линия в развитии данной темы и содержательная эволюция в самих исследовательских подходах.

Прежде всего, следует выделить работы критико-теоретического характера, которые обосновали сам концепт «тоталитаризм» (Х. Арндт, З. Бжезинский, Ф. Боркенау, В. Райх, К. Фридрих) и использовали его эвристические ресурсы для анализа советского общества, особенно в период перестройки (А.С. Ахиезер, М. Геллер, Л. Гозман, Б.Г. Грушин, А. Зиновьев, В. Ильин, Л.Г. Ионин, С.Г. Карамурза, Н.А. Купина, А.М. Некрич, Д. Ольшанский, Б. Сарнов, А. Цыганов, Э. Шляпентох, А.И. Щербинин и др.).

По мере освоения данного концепта наметилась линия дифференциации периодов внутри советской истории и более строгого употребления термина «тоталитаризм», постепенно намечается переход к новым дискурсивным моделям (М. Левин, М. Рыклин, исследовательские проекты Л.Д. Гудкова, Б.В. Дубина, Ю.А. Левады и др.). Общая направленность исследовательской активности смещается от анализа государственно-политической и идеологической конструкции советской цивилизации к выявлению, описанию и объяснению ментальных и социокультурных форм советского мира (Л.А. Булавка, В.В. Глебкин, Б. Гройс, Е. Добренко, К. Келли, Т.А. Круглова, М. Липовецкий, М.А. Литовская, В. Паперный, А. Прохоров, Е.В. Сальникова, Д. Хапаева, Д. Хмельницкий, сборники статей под общей редакцией Х. Гюнтера и Е. Добренко «Советское богатство», «Соцреалистический канон» и «Советская власть и медиа»).

Следующим шагом в осмыслении советского мира становится проблематизация и развитие линии советской антропологии, разворачивается анализ самого типа советского человека в его пространственно-временных модусах, во взаимодействии индивидуального/социального, частного/коллективного (коммунального), повседневного (локального) /глобального. В этой исследовательской линии выявляются начала социально-топологического и социально-феноменологического анализа советского мира (С.Ю. Барсукова, А.В. Богданов, Е. Богданова, С. Бойм, Л.Б. Брусиловская, П.

Вайль, В.В. Волков, А. Генис, Е. Герасимова, О.Ю. Гурова, Г.Ч. Гусейнов, Е. Деготь, В.Л. Каганский, Н.Н. Козлова, Н.Б. Лебина, Г.А. Орлова, Л. Парфенов, Н. Рис, И. Сандомирская, А. Тихомирова, И. Утехин, Ш. Фицпатрик, С. Чуйкина, С. Ушакин, А. Юрчак, Е.Р. Ярская-Смирнова). Философско-методологической основой данной линии исследования предстают авторитетные позиции западной философии – философия повседневности и социальная топология (З. Бауман, П. Бурдьё, Б. Вальденфельс, Э. Гидденс, Э. Гуссерль, М. де Серто, А. Щюц, Н. Элиас, и российские исследователи, работающие в данном дискурсе – С.А. Азаренко, А.В. Богданов, В.В. Волков, И.Т. Касавин, Ю.Л. Качанов, Н.М. Смирнова, О.В. Хархордин, Н.А. Шматко, С.П. Щавелев). Следует отметить значимость разрабатываемого данным подходом понятия «практики», которое становится важнейшим инструментом анализа процессов коллективной самоидентификации.

Тема идентичности, которая является центральной для анализа социального транзита советское/постсоветское, представлена глубокой классической традицией (Дж. Беркли, Р. Декарт, И. Кант, Дж. Локк, Д.С. Милль, Д. Юм). Для данного исследования особое значение имеют работы, посвященные анализу разных форм идентичности, которые стали предметом социально-философского изучения сравнительно недавно. Это труды Б. Андерсона, З. Баумана, Э. Берна, Р. Брубейкера, К. Камиллери, Ф. Купера, Ш. Муфф, В. Хесле, Э. Эриксона. В отечественной литературе последнего времени эта тема представлена работами С. Баньковской, О.А. Борисовой, Л.Д. Гудкова, Н.И. Даудрих, Л.М. Дробижевой, М.В. Заковоротной, С.Г. Климовой, А.В. Магун, В.С. Магун, В. Малахова, Г. Миненкова, В.Е. Морозова, Л.А. Мясниковой, И.Н. Тимофеева, Е.Г. Трубиной, И.Б. Фан, Е. Филипповой, В.А. Ядова.

Исследование кризиса коллективной идентичности при переходе от советского мира к современной России требует обращения к еще одному важному блоку – философии памяти и практикам ностальгии. Данный аспект анализа, прежде всего, представлен разработками европейской общественной и гуманитарной мысли (Ф. Артог, Х. Вельцер, Д. Лоуэнталь, П. Нора, Ж. Скотт, М. Хальбвакс, Г. Шуман,). В отечественных исследованиях данная тема отражена в работах С. Бойм, Б.В. Дубина, М. Габовича, Л.Д. Гудкова, Ю. Зарецкого, Н. Зоркой, А. Иванова, И. Калинина, И. Каспэ, С. Каспэ, А. Кустарева, А. Левинсона, Е.В. Новикова, И. Стаф, О.В. Шабуровой, Д. Хапаевой.

Еще одна группа источников представлена современными работами по социальной философии и методологии общественных наук, составляющими определенное дискурсивное поле, в рамках которого обозначены основные подходы к пониманию современности/постсовременности (У. Бек, П. Бергер, Т. Карл, М. Кастельс, М. Леви, Х. Линц, Т. Лукман, Н. Луман, Д. Росту, П. Рикер, Р. Рорти, Э. Тоффлер, Ю. Хабермас, С. Хантингтон, Ф. Шмиттер, П. Штомпка, Э. Хаген). В отечественной философии к этому ряду примыкают авторы, исследующие социальность и ее исторические типы, особо выделяя ситуацию социального транзита и модернизации в России (А.Г. Вишневский, С.Н. Гавров, И. Дискин, Ю.Г. Ершов, Т.И. Заславская, В.Л. Иноземцев, Б.Г. Капустин, В.Е.

Кемеров, Т.Х. Керимов, С.Л. Кропотов, А.В. Логинов, А.Ю. Мельвиль, С.А. Никитин, Н.Л. Полякова, В.В. Скоробогачкий, Г.В. Федотова).

Несмотря на такую разностороннюю проработку советской темы, остается не до конца артикулированным и исследованным вопрос о конструировании постсоветской коллективной идентичности. В данном диссертационном исследовании реализован социально-философский подход к изучению проблемы перехода от «советского» к «постсоветскому» в контексте анализа способов и механизмов оформления коллективной идентичности.

Объект и предмет исследования

Объектом диссертационного исследования являются место и роль «советского» в пространстве постсоветской действительности. **Предмет** исследования – механизмы формирования коллективной идентичности в социальном транзите советское/постсоветское.

Цель и задачи исследования

Целью исследования является социально-философская концептуализация понятия «советское» в контексте проблематики коллективной идентичности, что позволит прояснить место и роль «советского» в современном российском обществе.

Достижение поставленной цели предполагает решение ряда **задач**:

1. Выявить и проанализировать основные способы описания и концептуализации «советского» в философском дискурсе, их методологические особенности, теоретические возможности и границы.
2. Обосновать «советское» как самостоятельное понятие, дифференцировать его содержание, выделив временные периоды; уточнить содержание позднесоветского периода, исследовать характер взаимосвязи «советского» в его позднесоветском варианте и «постсоветского».
3. Определить социально-философское понимание категории «коллективная идентичность» в рамках социально-топологического подхода.
4. Исследовать роль коллективной памяти в системе самоидентификации сообщества; показать дискурсивный характер ностальгии.
5. Рассмотреть постсоветские коллективные практики воспроизводства и ре-конструкции «советского», определить характер и условия их взаимосвязи.
6. Описать и проанализировать новую форму существования «советского» в постсоветской действительности – «советское виртуальное».

Теоретическая и методологическая основа исследования

В диссертационном исследовании используются методы социально-философского анализа, позволяющие раскрыть процессуальность, изменчивость социального бытия, трансформацию и формирование коллективной идентичности в современном мире.

В диссертации представлена попытка опереться на эвристические и методологические ресурсы социально-топологического подхода и социальной феноменологии. Определенным образом в диссертационное исследование

включены методологические установки социально-конструктивистской парадигмы и линии социально-антропологического анализа.

Содержательно логика и структура диссертационного исследования строится следующим образом: от описания основных способов концептуализации «советского» осуществляется переход к анализу сущности «советского». «Советское» – это, прежде всего, тип социальности, определенная форма жизни и деятельности людей, в рамках которой происходит самореализация сил, потребностей и повседневных интересов; тип социальности задает специфику социальных связей, развертывающихся в ходе социального процесса. Указание на «советское» как на тип социальности позволяет отметить взаимосвязь социальных структур и институтов, структур идентификации и повседневных практик, находящихся в тесном взаимодействии. Важным методологическим вектором исследования является социально-топологическая парадигма, позволяющая представить коллективные практики структурными элементами производства и воспроизводства системы коллективной идентификации.

Совокупность методологических подходов и попытка социально-философского синтеза теоретических дискурсов, представленных в различных междисциплинарных исследованиях «советского», определяет специфику и в то же время новизну диссертационного исследования.

Научная новизна диссертационного исследования

Научная новизна исследования обусловлена, прежде всего, самой постановкой проблемы – рассмотрением «советского» как целостного феномена, определенного особыми механизмами производства коллективной идентичности.

1. Осуществлен комплексный анализ представленных в философской литературе точек зрения, способов описания и подходов в исследовании «советского». Предложена концептуализация «советского» как особого типа социальности.

2. Социально-философский вариант концептуализации «советского» представлен через анализ коллективной идентичности, которая, в свою очередь, определена набором определенных социальных (коммунальных) практик.

3. Проблема постсоветской идентичности рассмотрена через соотнесение актуальных (транзитивно-адаптационных) процессов с воспроизводимыми и ре-конструируемыми практиками позднесоветского прошлого. Обосновывается и демонстрируется связь конституируемых коллективных идентичностей с политиками памяти.

4. Выявлена, описана и проанализирована новая рамка оформления советского сообщества – «советское виртуальное». Показано, как в принципиально нессоветском пространстве (свобода информационного общества и консюмеристская реальность) воспроизводится «советское».

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В ходе исследования основных способов описания и анализа «советского» показано, что утвердившаяся в качестве основной объяснительной схемы концепция тоталитаризма имеет в своем применении определенные

границы. В частности, она не может дать полного объяснения пространства повседневности советского мира; не в полной мере может обеспечить исследование советской антропологии, представляя человека только как результат идеологического проекта, – особенно это проявляется при изучении позднесоветского периода и в исследовании феномена воспроизводства «советского» в «постсоветском».

2. Осмысление того факта, что «советское» и «тоталитарное» не предстают как полная тождественность (речь идет прежде всего о позднесоветском периоде), требует поиска новых исследовательских моделей. В качестве таковых предлагаются методологические ресурсы социальной топологии, социальной феноменологии, социальной антропологии. Эти концепции, сориентированные на вариативность, множественность, процессуальность социальной реальности, позволяют более продуктивно проанализировать условия возникновения и причины длительного существования (даже за пределами собственно советского строя) социально-антропологического типа «советский человек».

3. В качестве одной из возможных проблематизаций в таком типе исследования избрана ситуация оформления и кризисов коллективной идентичности. Само «советское» определяется через специфику коллективной идентичности, шире – вообще через коллективность, коммунальность. Они, в свою очередь, выводят анализ на многообразие форм коллективности, способы и типы переживания коммунальности, на практики совместного существования. Коллективная идентичность, рассмотренная в рамках социально-топологического подхода, предстает как результат целого ансамбля коллективных практик (телесных, поведенческих, языковых, культурных), отражающих комплекс значимых представлений сообщества о себе, о других и о мире в целом. Конструируется коллективное «мы», причастность к которому человек активно переживает. Практики конституируют идентичность человека и сообщества и представляют, предъявляют их миру.

4. Постсоветская реальность демонстрирует кризис коллективной идентичности и предстает как пространство множественной, неустойчивой, противоречивой идентичности. С одной стороны, постсоветское общество транслирует включенность в общемировые тренды развития (тотальность консюмеризма, универсальность информационных технологий и т.п.), а с другой стороны, очевидна работа ностальгического мифа. Вторичная дискурсивная переработка «советского» оказывается востребована режимами потребительского общества, и репрезентировано оно в современных медийных форматах. Таким образом, «советское» в «постсоветском» переоформляется в соответствии с модусами современности. Этот процесс во многом определен сложной работой с коллективной памятью, которую осуществляет прежде всего массовая культура.

Теоретическая и практическая значимость работы

В осуществленном исследовании обоснованы *теоретические положения*, которые позволяют во многом оценить процессы трансформации, происходящие в российском обществе, переосмыслить основные понятия и методы социально-

философских исследований. Идеи и выводы работы имеют определенное значение для выстраивания более полной картины социальной реальности, предпринимаемого обществознанием. Разработка данной тематики может иметь значение в рамках как непосредственно социальной философии, так и отдельных общественных наук: социологии, политологии и смежных дисциплин. *Практическая значимость* работы определяется возможностью использования основных положений диссертации при чтении лекционных курсов по проблемам социальной философии. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы при чтении спецкурсов по проблемам коллективной идентичности, советской социальности в системе социально-философского знания.

Систематизированный материал, а также полученные в ходе анализа выводы могут стать базой для дальнейшей научно-исследовательской работы.

Апробация результатов исследования

Основные положения и выводы диссертационного исследования изложены в публикациях автора. Диссертация обсуждалась на кафедре социальной философии Уральского государственного университета им. А.М. Горького и была рекомендована к защите. Отдельные аспекты и сюжеты диссертации легли в основу докладов на научных конференциях «Человеческая жизнь: ценности повседневности в социокультурных программах и практиках» (Екатеринбург, 2007), «Советская культура в современном социопространстве: трансформации и перспективы» (Екатеринбург, 2008), II Российско-украинские чтения молодых ученых (Москва, 2008).

Структура диссертации

Диссертация состоит из введения, основной части, заключения и библиографии. Основная часть включает в себя три главы. Библиография содержит 260 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается актуальность исследования, анализируется степень разработанности его темы, определяются цели и задачи диссертационного исследования, выявляется научная новизна работы, формулируются основные положения, выносимые на защиту, отмечается теоретическое и практическое значение работы.

Глава I «**Способы описания и концептуализации понятия „советское“ в научных дискурсах**» посвящена анализу основных способов описания феномена «советское». В рамках этой главы речь идет о классических и постклассических концепциях. Целью предпринятого анализа является выявление методологических оснований и теоретических возможностей концепций по отношению к советской действительности.

В §1 «**Классические концепции „советского“: дискурс тоталитаризма**» рассматривается теория тоталитаризма как один из существующих способов концептуализации «советского».

Понятие «тоталитаризм», введенное в научный оборот Х. Арндт, в дальнейшем разрабатываемое К. Фридрихом, З. Бжезинским и др., стало основополагающим элементом универсальной объяснительной схемы для анализа обществ с определенным государственно-политическим устройством. Подобная схема, в основе которой лежит аналитический ресурс категорий «режим», «власть», долгое время применялась в отношении советской действительности. В рамках теории тоталитаризма объяснялись не только природа советского режима, политическое устройство советского общества, но и специфика социальных связей и взаимодействий, прописываемых в логике господства-подчинения.

Анализ методологического ресурса концепта «тоталитаризм» становится основанием рассмотрения теоретических возможностей и границ классических концепций «советского». Тоталитарное общество – это вариант появившегося в результате всеобщего кризиса и действия масс общества, в котором происходит трансформация основных социальных институтов, формируется новый тип идентичности и новые представления о мире и месте человека в этом мире. Тоталитаризм – это тип общества, а не управления, следовательно, при его рассмотрении должна учитываться идеократическая составляющая. Тоталитаризм начинает доминировать в процессе модернизации, в рамках такого понимания советское общество – это общество догоняющей или форсированной модернизации. Процессы модернизации становятся внутренним основанием трансформаций, происходящих в обществе. Модернизационная логика теории тоталитаризма вписывается в общегуманитарную модернизационную (транзитологическую) логику: их лейтмотивом является «модернизационный императив», предполагающий неумолимость общих законов прогресса, неизбежно реализующихся в любом обществе. В этом же ключе объясняются постсоветские трансформации: в таком случае «*транзит*» (переход) оценивается по степени индустриализации, демократизации, рыночного преобразования экономики и развитости институтов гражданского общества.

В рамках теории тоталитаризма несколько обществ признаются тоталитарными, в том числе советское общество и режим Третьего рейха. Безусловно, они отличаются культурно-идеологическими системами, принципами функционирования экономики, типами государства, но схожи в типах сформировавшихся систем социальной коммуникации и базовых социальных институтах.

При отождествлении «советского» и «тоталитарного» основными сюжетами в исследованиях становятся тоталитарное сознание, социализация личности, понятая как ее индоктринация и идеологизация. В рамках тоталитарной парадигмы советский человек представляется исследователям проектом, осуществленным властью «сверху» с помощью разветвленной системы идеологических институтов, пропаганды и репрессивных практик. При этом власть воспринимается единственным субъектом социального превращения, а масса – объектом нормирования и дисциплинирования. Между тем «советское» может быть описано и в повседневных практиках сопротивления идеологически сконструированному миру, что становится возможным только на основании

проблематизации социально-антропологического типа личности, доминирующего в советской действительности, проблематизации коллективной идентичности советского человека. Теория тоталитаризма пытается описать не только природу политического обустройства социальной реальности, но и процесс социального воспроизводства, рассмотренный в логике господства/подчинения. В социальной философии требуется взгляд на советскую действительность без ссылки на привычный термин «тоталитаризм».

Концепции «советского», опирающиеся на теорию тоталитаризма (претендующую в российских исследованиях на статус универсальной дескриптивной схемы), редуцирующие разнообразные характеристики советской действительности к ее тоталитарной природе, рассматриваются в диссертационном исследовании как «классические». «Классические» социальные теории направлены на общее, при этом индивидуальные особенности выпадают из проблемного поля исследователя. Кроме того, социальное знание в классических теориях не опирается на обыденное мышление, рядовые агенты социального процесса и их повседневный опыт не являются достоверными источниками для социального философа. Такие концепции представляются классическими еще и потому, что в поле их рассмотрения не попадает проблема динамики общества, теория тоталитаризма не позволяет рассмотреть социальную реальность в ее процессуальности.

Термин «тоталитаризм» имеет определенный теоретический потенциал, он описывает особенности политического и институционального устройства общества, но наряду со своими очевидными эксплицитными возможностями имеет и определенные ограничения, поскольку, прежде всего, характеризует природу власти. В то же время термин «тоталитаризм» задает идеологические рамки интерпретации советской действительности. При расширении исследовательского поля до пространства повседневности и ментальности теория тоталитаризма не может дать полного объяснения.

В §2 «„Советское“ в обратной перспективе: от дискурса тоталитаризма к социально-антропологическому и социально-топологическому дискурсам» рассматриваются постклассические концепции, использующие методологические ресурсы социальной топологии, социальной феноменологии, социальной антропологии, ориентированные на вариативность, множественность, процессуальность и динамичность социальной реальности, концепций, исследующих жизненный мир человека, его повседневность, ментальность, идентичность, характерные особенности которых не связываются с тоталитарной природой советской действительности.

«Советское» в постклассических концепциях предстает как многообразный сложный феномен, характеризующий не столько политический режим и технологии властвования, сколько человека, его ментальность, идентичность, повседневный опыт, культуру, социальные чувства. Тип социальности с совокупностью специфических социальных институтов, нормативных систем, форм социального взаимодействия образует целостный феномен «советская действительность».

В постклассических концепциях происходит осознание теоретических рамок концепта «тоталитаризм». В этой связи появляются исследовательские проекты, предполагающие работу с «советским материалом» в другой теоретической плоскости и обозначается проблемное поле для применения категории «тоталитаризм». Границы теории тоталитаризма обнаруживаются при рассмотрении проблемы эволюции советского режима, его трансформации, динамики. Теория тоталитаризма не способна объяснить меняющуюся советскую действительность.

Социальные философы, пытаясь описать «советское» вне привычной концепции тоталитаризма, доказывают ту мысль, что человек являлся соучастником социального процесса. В этой связи советская реальность должна восприниматься как социальное изобретение, в процессе которого участвуют как власть со своим проектом, так и человек, придающий процессу воспроизводства социальной реальности непреднамеренный характер.

В рамках постклассических концепций речь идет о социально-антропологическом (анализирующем тип личности, его ментальность и повседневность) и социально-топологическом (анализирующем сконструированное социальное пространство и представления о нем) подходах и способах описания советской действительности.

Обращение к сфере повседневности, ментальности и идентичности, акцентирование внимания на анализе стратегий и практик поведения, норм, ценностей и ориентаций раскрывает новые возможности осмысления советской действительности. Анализ сферы повседневности выводит на первый план голос человека, реального участника социального процесса, а не только точку зрения власти и интеллектуалов. Понятие «повседневность», используемое в диссертационном исследовании, «схватывает» субъективность, отображает мир изнутри той или иной социальной реальности. Описание советской действительности в ключе повседневности отображает социально-эмоциональный план действительности, восприятие и осмысление мира советским человеком и позволяет провести продуктивный анализ условий и форм существования «советского» за пределами советской действительности.

В конечном итоге, «советское» описывается через формы коллективного сосуществования в повседневности. В таком случае объектом социально-философского анализа становятся повседневные, рутинные, ритуализированные типы поведения, «практики», выявляющие не только особенности коммунального бытия, но бытия в коллективе вообще, главным образом, формы взаимодействия людей друг с другом, свойственные только советской действительности.

В диссертационной работе рассматривается феномен коммунальности. Коммунальным порядком, формирующим советские коллективные тела и порождающим набор коллективных практик и ценностей, пронизана вся советская повседневность.

Таким образом, «советское», рассмотренное с позиции жизненного мира человека, – это специфические нормы, ценности и социальные представления, рожденные в процессе воспроизводства советской социальной реальности, поскольку именно повседневные действия, повседневные решения множества

социальных агентов, их активность определяют направленность социальных процессов.

В рамках социально-топологического подхода происходит анализ конфигурации социального пространства, дискурсивных практик оформления пространства и представлений о нем, которые встраиваются в коллективную идентичность советского человека. Топологический дискурс был способом конструирования конкретно-исторической общности «советский народ», способом создания советского «воображаемого сообщества». Пространство и представления о нем, будучи сконструированными субъектом власти, поддаются описанию, интерпретации, объяснению, и результаты этого описания говорят не только о самом пространстве, но и о советской действительности.

Результатом первой главы становится понимание «советского» как относящегося к социальности, существовавшей в определенном пространственно-временном континууме, характеризующегося как утверждающее собственную уникальность качество социальности, выражающееся, прежде всего, в определенных практиках (повседневных, языковых, коммуникативных и т.д.), и формах коллективной идентификации.

В главе II **«Методологические основания концептуализации и проблематизации коллективной идентичности»** представлены социально-философские основания анализа коллективной идентичности как одного из возможных способов проблематизации «советского».

В §1 **«Коллективная идентичность: социально-топологический способ описания»** анализируется феномен коллективной идентичности, рассмотренный в рамках социально-топологической методологии.

Категория *«коллективная идентичность»* фиксирует незавершенность транзита советское/постсоветское, переходные формы социального транзита, и потому позволяет проблематизировать социальные изменения вообще и динамику трансформации коллективной идентичности. Социальный транзит пере-живается, про-живается постсоветским обществом: именно формы проживания, переживания ситуации перехода становятся актуальными темами и сюжетами российской социальной философии.

На современном этапе понятие «коллективная идентичность» в различных контекстах широко используется в психологии, социологии, философии и политической науке, социолингвистике и других областях гуманитарного знания. В современной российской социальной философии категория «коллективная идентичность» актуализируется в связи с происходящими трансформациями в социальной реальности. Междисциплинарность категории «коллективная идентичность» становится внутренним стимулом для обоснования социально-философской схемы, которая является методологией анализа постсоветской социальной реальности.

Концепт «коллективная идентичность» рассматривается в исследовании как связующее звено между социальными изменениями и практиками, которые выступают механизмом, запускающим процесс воспроизводства социальной реальности, и одновременно конституируют как персональную, так и коллективную идентичность человека.

Предлагаемое понимание категории связано с социально-топологическим видением социальной реальности. Современная социальная философия демонстрирует тенденцию к интерпретации отношений в социуме прежде всего как телесных взаимодействий индивидов в определенных топосах социальной реальности. Социально-топологический взгляд позволяет увидеть воспроизводство множественных социальных порядков и представить реальность в виде сплетения практик. Представления о социальной реальности как об ансамбле коллективных практик, обеспечивающих процесс социального воспроизводства и одновременно процесс конструирования коллективной идентичности агента, открывает возможность анализа отношений между человеком как агентом, то есть активным участником воспроизводства социальной реальности, и самой этой реальностью.

Ключевое понятие в социально-топологической реальности – *«социальное пространство»*. В рамках этого понятия социальная реальность предстает как мир, построенный по принципам дифференциации, распределения и иерархии. Место человека в изначально структурированном пространстве определяется в зависимости от его социальной позиции, а различия в позициях закрепляют социальные различия вообще. Социальная позиция задает и логику практик, и принципы, по которым агенты классифицируют себя и других.

Для объяснения конструирования коллективных практик используется понятие *«габитус»* (П. Бурдьё), понятое как порождающее начало для практик и действий агентов, система диспозиций, приобретаемых человеком в рамках социального бытия и изменяемая в пространстве и времени. Габитус порождает практики (но не в духе жесткого детерминизма), представляя собой *«матрицу»* восприятия, позволяющую индивиду ориентироваться в социальном процессе и адекватно реагировать на различные события и ситуации. В конечном итоге, понятие *«габитус»* позволяет социальным философам представить социальное пространство набором социальных позиций, занимаемых индивидами, и на этом основании дифференцировать практики, которые производят агенты.

Понятие *«практики»* в последнее время выступает центральным ориентиром социально-антропологических, социально-философских, культурологических исследований. Опираясь этим ключевым понятием, современные философы подчеркивают активную роль человеческой деятельности в воспроизводстве и изменении социальной системы. Практики (телесные, поведенческие, культурные, языковые) рассматриваются в диссертационном исследовании как своего рода продолжение идентичности человека (в том числе коллективной), встраиваясь в *«Я»*-концепцию и одновременно ее подтверждая. Практики конституируют и воспроизводят коллективные идентичности, *«раскрывают»* основные способы социального существования, возможные в рамках конкретного социального пространства.

С позиции социально-топологической теории практики – это структуры, обуславливающие социальную реальность, предшествующие телесным взаимодействиям, определяющие и опосредующие существование социальных отношений. Совокупность практик совместной деятельности образует фон, в рамках которого разворачивается социальный процесс. Анализ социальной

реальности сквозь призму социальных практик позволяет рассматривать трансформации как изменение практик, сопровождающееся появлением соответствующих идентичностей и социальных институтов.

Коллективная идентичность получает свою интерпретацию и через понятие сообщества как «воображаемого» (Б. Андерсон). Сообщество воображает себя в определенных символических границах. Социально-философскому анализу поддается процесс маркирования и задания символических пределов, и в то же время сопоставления, соотнесения и различения сообществ, находящихся за пределами. В этом случае в соотнесении с другими сообществами актуализируется собственная уникальность.

Процесс идентификации есть процесс различения, а утверждение различия – предпосылка существования всякой коллективной идентичности; чтобы понять и сформулировать, какие «мы», необходимо отличить «мы» от всех остальных. В советской действительности различия были оформлены через противопоставление «мы–они» (негативная тональность превратила «Другого» во «врага»). В постсоветской действительности более перспективной стратегией является обозначение различий через отношение к прошлой эпохе: чтобы сформулировать основания идентификационной модели «россиянин», необходимо провести границу с социально-антропологическим типом «советский человек».

В диссертационном исследовании коллективная идентичность рассматривается в следующих аспектах: когнитивном (идентичность – знание индивида о себе как о члене сообщества; осознание специфических черт коллективного «Мы»; осознание отличий «Мы» от «Они», «своих» от «чужих»), аксиологическом (идентичность – это и «практическое знание» членов сообщества о ценностных представлениях, социальных нормах) и социально-практическом (совокупность практик, отражающих специфику коллективной идентичности того или иного сообщества).

В §2 **«Понятие „коллективная идентичность“: кризисные формы и функционирование коллективной памяти»** представлен анализ ситуации оформления и кризиса коллективной идентичности, социальных форм и механизмов его преодоления.

В постсоветской действительности дискурс коллективной идентичности выстраивается вокруг сюжетов кризиса, форм и механизмов идентификации в условиях трансформации социальной реальности. В то же время обращение к проблеме кризиса коллективной идентичности позволяет говорить об актуализации «советского» на постсоветском пространстве.

Кризис идентичности характеризуется нарушением идентификации человека с социальной реальностью, которая ранее им поддерживалась. Кризис идентичности наступает в момент распада социальной системы, распада ценностных ориентиров, цементирующих общество.

Дискурс кризиса идентичности переплетается с дискурсом травмы. В социально-философских исследованиях довольно часто происходит фиксация травмы постсоветского человека в связи с распадом привычной социальной системы. Парадигма травмы возникает в социальных науках в связи с проблемой

социального изменения, социальной трансформации. Коллективная травма – это состояние, переживаемое группой как утрата, растерянность. Возникающая в действительности травма становится своеобразной реакцией на происходящие социальные изменения, проживание травмы и ее преодоление становится способом при-своения инноваций социумом. Преодоление травматичной ситуации открывает пути для последующих социальных трансформаций и изменений.

Таким образом, кризис идентичности понимается как утрата позитивной самоотнесенности к определенному сообществу. Кризис коллективной идентичности – это отражение в сознании человека несоответствия устоявшейся идентификационной модели и изменившейся социальной реальности, понимание этого несоответствия переживается человеком как травма, которая проявляется на коллективном уровне.

Трансформационные процессы в постсоветской действительности, запустившие кризис коллективной идентичности, сопровождаются социальной адаптацией к происходящим изменениям. Способы преодоления травмы становятся механизмами социальной адаптации. В адаптационных процессах участвует «советское», актуализируемое постсоветской массой. Постсоветский человек, адаптируясь, использует известные для него стратегии и практики из прошлой советской жизни. «Советское» в данном случае выступает терапией: оно «залечивает» травмированное сознание.

Возвращение к «советскому» через ностальгию и другие меморативные практики разрешает кризис идентичности, но путем заимствования элементов «советского». Именно ностальгия на постсоветском пространстве становится одним из способов преодоления коллективной травмы. Ностальгия помогает обществу через переживания преодолеть трудности переходного периода. В постсоветском обществе ностальгия становится той социальной эмоцией, которая возникает и осознается по мере возникновения разрыва между прошлым и настоящим.

Понятие «ностальгия» маркирует и определенную структуру коллективной идентичности, где образ «мы» формируется вокруг «настоящего» и «прошлого». В этом случае характеристики «прошлого» более вытнны и очерчены, нежели характеристики «настоящего».

Ностальгия гармонизирует прошлое посредством его эстетизации. В постсоветской действительности ностальгия существует в тотально визуализированном медийном пространстве, предлагающем человеку множество продуктов для ностальгирования (кино, советские песни, советские предметы, интернет-ресурсы). Иными словами, современное информационное общество создает определенные условия для существования ностальгии как социальной формы преодоления коллективной травмы.

Современная конфигурация коллективной идентичности тесно переплетена с коллективными представлениями российского сообщества о советском прошлом, которые все чаще актуализируются, выполняя определенные функции в процессе социального воспроизводства. Ностальгия является своего рода типом конструирования прошлого. В ходе ностальгического переозначивания прошлого

приобретают новый смысл и повышенную ценность определенные стороны повседневного опыта. Конструируемый образ прошлого ссылается на личный, персональный опыт, который при этом распознается и узнается другими, становясь «общим опытом». Эта особенность ностальгии позволяет трактовать ее как социальную эмоцию, появляющуюся в ходе «проживания» разрыва между прошлым и настоящим.

Важным для диссертационного исследования становится категория «коллективная память» – связующее звено между прошлым и настоящим в транзитивном обществе. Коллективную память стоит понимать как память сообщества о своем прошлом и базовых институтах. В каждый период конструкция прошлого сообщества «переозначивается», интерпретируется. Деятельность памяти определяется обществом: именно обществом задаются социальные рамки, внутри которых протекает процесс воспоминания.

Исследование коллективной памяти сообщества и способов обращения с прошлым одновременно говорит и о социально сконструированных рамках памяти (М. Хальбвакс), задающих не только способы и стратегии воспоминания, но и основные ориентиры, составляющие содержание коллективной идентичности. В этом процессе «переозначивания» прошлого участвует ностальгия как социальный механизм про-живания трансформаций.

Итогом второй главы становится понимание того, что продуктивным подходом к сущности, содержанию и структуре коллективной идентичности является социально-топологический способ концептуализации, реализующийся через понимание коллективной идентичности в социально-практическом аспекте. Коллективная идентичность выражена в коллективных практиках сообщества, в рамках которых воспроизводятся не только социальные структуры и институты, но и значимые социальные представления. Социально-философское осмысление социального бытия немыслимо без анализа повседневных стратегий и практик индивида: именно такой анализ позволяет представить социальный процесс как процесс воспроизводства социальной реальности, выявляя механизмы и формы самоизменения общества. А коллективная идентичность становится способом проблематизации ситуации транзита и переходных социальных форм коллективной идентификации.

В III главе **«Проблематизация коллективной идентичности в постсоветской действительности: коллективные практики и дискурсы»** представлен анализ коллективной идентичности постсоветского человека.

В §1 **«Социальные рамки ре-продукции „советского“ в „постсоветском“»** характеризуются социальные условия и формы воспроизводства «советского» в постсоветской действительности.

Современные исследователи фиксируют ре-продукцию «советского» как отличительную черту последнего десятилетия. Актуализация прошлого в постсоветской действительности становится способом восстановления преемственности между советским прошлым и постсоветским настоящим. Такой способ легитимируется современной медийной реальностью, которая предлагает постсоветскому человеку широкие возможности воспользоваться советским прошлым.

Само прошлое выполняет важную функцию: оно содержит в себе ресурс для самоопределения постсоветской массы, а вместе с тем и ресурс для удовлетворения потребности коллектива отличаться от других и гордиться своей уникальностью.

Вопрос о взаимоотношении прошлого/настоящего/будущего в рамках современной действительности становится вопросом о специфике взаимоотношений «советского» и «постсоветского», их взаимообусловленности, взаимопроникновении, взаимозависимости. При этом «постсоветское» интерпретируется в диссертационном исследовании как неоформленная (или как постепенно оформляемая) модель коллективной идентификации, использующая механизмы и практики советской коллективной идентичности.

На современном этапе речь идет не столько о структуре коллективной идентичности, сколько о кризисе идентичности и о травме, сопутствующей транзиту от «советского» к неоформленному и несформулированному «русскому». Соответственно, разговор о самом «советском» строится в дискурсе коллективной идентичности: сегодня «советское» определяется через специфику коллективной идентичности.

Коллективная идентичность постсоветского человека становится синтезом «советского» и «русского», актуализированным властным дискурсом для собственной легитимации и в связи с отсутствием других моделей объяснений происходящего. Преемственность между русским и советским прошлым и российским настоящим, с точки зрения власти, может быть прописана и в логике коллективной идентичности. Отсюда инициирование дискуссий в интеллектуальных и властных кругах на тему национальной идеи и разработка национальных проектов и программ. Легитимация через прошлое осуществляется путем создания целой сети маркированных мест, символически отсылающих к событиям прошлого.

Предметом предпринятого социально-философского исследования становятся практики актуализации прошлого в современной российской действительности. Можно говорить о типе социально-культурной репродукции, реинтерпретации, переозначивания прошлого, характерного для постсоветской реальности.

Символическое пространство постсоветской действительности заполнилось воспоминаниями, отсылающими, главным образом, к брежневской эпохе – 70-м годам XX в., «эпохе стабильности». Говоря о советском времени, современный российский человек имеет в виду именно брежневское время, 70-е годы XX в.

Сегодня происходит идеализация позднесоветского времени, ретрансляция его содержания связана с представлениями о социальной стабильности и сравнительном экономическом достатке того времени. Одновременно перенос внимания коллективного сознания на брежневское прошлое избавляет постсоветскую массу от негативных оценок, связанных с более поздней эпохой 80–90-х гг. XX в., воплощающих социальный хаос, неуверенность и незащищенность. Ряд перемен периода перестройки, вслед за ее ключевыми фигурами – Горбачевым и Ельциным, ретроспективно оцениваются

отрицательно. На этом фоне 70-е гг. XX в. стабильности и защищенности выигрывают в сравнении с оценками других периодов.

Позитивная оценка брежневских лет транслируется от поколения к поколению. Основным позитивно значимым событием прошлого для постсоветских людей становится Война. Великая Отечественная война – предмет гордости и в советское время, и, тем более, сейчас. Победа в войне – элемент коллективной идентификации, точка отсчета, задающая определенную оптику оценки прошедшего и отчасти – настоящего и будущего.

Ретрансляция содержания этого символа становится практикой поддержания семантики «величия» советской и постсоветской страны. Дискурс величия очень важен для оформления солидаризированного коллективного «Мы» на постсоветском пространстве.

Таким образом, «позднесоветское» – это своего рода кристаллизация советского образа жизни и типа сознания, преобладающей модели адаптивного поведения. Пространство идентификации четко очерчено: семья, друзья и соседи, коллектив; социальная реальность стабильна и понятна всем участникам социального процесса. Проблемы коллективной идентификации не существует: четкое понимание коллективного «Мы» и осознание причастности к нему придает защищенности каждому, отдельный человек связан с общественным целым. При этом идеологическая составляющая становится все менее значимой для социальной реальности. В это время происходит утверждение значимости настоящего с его стабильностью и определенным уровнем благосостояния, позитивность настоящего обосновывается титаническими усилиями, предпринятыми в войне с врагом, увенчанной победой. Взамен идеологии «светлого будущего» и «коммунизма во всем мире», коллективное сознание получает мифологию войны и победы, мифология ориентирована не в будущее, а в прошлое, благодаря которому настоящее приобретает особую значимость.

Взаимосвязь между представлениями о стабильной эпохе, «длинных» 70-х XX в. и о главном событии в истории советского государства указывает на то, что образы и структуры коллективной идентичности постсоветского человека сложились, по преимуществу, в брежневскую эпоху. Более того, эти структуры удержали свое значение и в период трансформации социальной реальности. Они представляют собой достаточно устойчивые образования и занимают центральное положение в системах коллективной идентификации постсоветского человека. Других настолько же актуальных, общезначимых и положительных символов и сюжетов на постсоветском пространстве нет. Потому механизмы советской коллективной идентичности продолжают воспроизводиться и сегодня.

В §2 «Коллективные практики постсоветского человека: дискурс ностальгирования и дискурс величия» речь идет о коллективных практиках, конституирующих идентичность постсоветского человека. Материалом для проведенного исследования стали интернет-ресурсы, посвященные советской эпохе, иллюстрирующие меморативные практики постсоветского человека.

Практики ностальгирования, актуализирующие элементы «советского» в постсоветской действительности, нацелены на преодоление возникшей коллективной травмы. В этом смысле ностальгия следует адаптационной логике,

заимствуя элементы советской действительности. Новые условия и отношения, безусловно, порождают новые антропологические структуры и практики, стереотипы, в то же самое время они сочетаются со структурами и практиками, уже сложившимися в советской действительности. Ностальгия, во-первых, представляется нам социальной формой определения, интерпретации, выражения или толкования травматических событий посредством фонда культурных ресурсов. Во-вторых, ностальгия становится фактором консолидации определенных «ностальгических общностей», основанных на чувстве единения и взаимопонимания, которые связывают ностальгирующих.

«Советское» вовлекается и в потребительские стратегии современного общества. Предметом ностальгирования становятся не аутентичные смыслы «советского», а те значения, которое «советское» приобретает, становясь частью предмета, выставленного на витрине. «Советское» начинает способствовать не только коллективной терапии, но и массовому потреблению ценностей.

Проведенный в Интернет-пространстве анализ рефлексии поколения «последних советских детей» по поводу советского прошлого показывает эмоциональную вовлеченность постсоветского человека в собственное прошлое. Именно этот факт объединяет постсоветских людей в поколение, позволяя идентифицировать себя как сообщество в виртуальном формате, причем ностальгирование происходит *совместно*: представители последнего поколения советских детей *совместно* переживают, проживают социальные трансформации.

Ввиду того, что социальные трансформации в российской действительности совпали с появлением новых моделей коммуникации, которые определили качественную специфику процесса рефлексии поколения 30-летних, виртуальное Интернет-пространство, пространство сетевых сообществ стало определенной площадкой для рефлексии, коммуницирования, обсуждений по поводу «советского прошлого».

В виртуальном пространстве были обнаружены следующие стратегии и практики работы с «советской эпохой» и с памятью о советской эпохе: стратегии музеификации и практики ностальгирования.

Сайты, посвященные советской эпохе, предлагают энциклопедии советской жизни, где советские вещи, фотографии, артефакты и другие культурные объекты становятся предметом любования, умиления, коллекционирования для поколения 30-летних. Представляется, что подобные Интернет-ресурсы стали катализаторами воспоминаний о советском прошлом (для поколения молодых – о советском детстве): предметно-вещный мир «советского», визуально представленный в интернет-пространстве, провоцирует воспоминания. Ностальгирование по ушедшему прошлому успешно реализуется в коллективных, виртуальных формах – через коммуницирование в различных социальных сетях, форумах, блогах, где пользователи вовлечены в коллективное воспоминание прошлой эпохи.

Сообщества ностальгирующих, будучи первоначально виртуальными сообществами, объединенными общим прошлым – советским детством – в дальнейшем превращаются в реальные сообщества, коммуникации выходят за рамки виртуальной реальности. Таким образом, чувство единения и

взаимопонимания, которое связывает ностальгирующих, становится не только основой консолидации сообщества, но и основой для коллективной идентификации. Потому ностальгия выступает не только формой коллективной терапии, но и механизмом самоидентификации (на вопрос «кто мы?» поколение 30-летних с легкостью может ответить: «мы родом из советского детства», «наша Родина – СССР»).

Таким образом, в диссертационном исследовании делается вывод, что современный тип социальности задает не только формат «воображаемых сообществ» в их виртуальном виде, но и специфику форм совместного и индивидуального бытия людей, его сохранения и обновления. С точки зрения социальной философии, информационный характер постсоветского общества характеризуется новыми формами связи человеческих усилий во времени и пространстве. Воспроизводство постсоветского «воображаемого сообщества» происходит в виртуальном формате, что отражается на социальном процессе в целом: формы коммуницирования в интернет-пространстве становятся динамическими социальными формами, реализующимися в деятельности людей.

Поколение 30-летних демонстрирует практики ностальгирования в Интернет-пространстве, в формате информационного общества. Именно этим форматом задаются социальные формы ностальгирования. Возникшие в информационном пространстве сетевых сообществ новые модели коммуницирования определили конфигурацию, в рамках которой происходит рефлексия по поводу советского прошлого поколением 30-летних. Информационная реальность сделала возможным существование «советского» в невероятных для этого «советского» формах и пределах (виртуальных, электронных носителях). Виртуальная реальность сделала возможным общение, обсуждение для постсоветских людей, разделенных в физическом пространстве.

Постсоветское сообщество – это сообщество ностальгирующих и вспоминающих, и именно в меморативных практиках и практиках ностальгирования выстраивается система коллективной идентификации сегодня. «Советское» актуализируется, становясь средством про-живания транзита и трансформации, а изменение социальных качеств системы коммуникации делает возможным репродукцию «советского» на абсолютно новых носителях, не существовавших в советскую эпоху. Можно говорить о такой форме существования «советского» как «*советское виртуальное*». Именно виртуальная реальность стала хронотопом существования «советского» сегодня, во многом определившим не только формат, но и практики обращения с ним.

Все это позволило сделать вывод о том, что можно говорить о типе социальной топологии «советского». Во-первых, виртуальная природа этого явления делает его предельно визуализированным (Интернет-ресурсы представляют нам всеобъемлющий визуальный материал, вещно-предметный мир «советского» – например, открытки, фантики, значки, диафильмы, знакомые каждому ребенку прошлых десятилетий) и аудиализированным (песни, кинофильмы, телевизионные передачи, аудиоспектакли 70–80-х годов). В пользу виртуальной природы имеющегося у нас «советского» говорит существование в

Интернет-пространстве своеобразных музеев, посвященных советской эпохе и предлагающих посетителям виртуальные экскурсии.

Во-вторых, специфика формы существования определяет и особенности коммуницирования: это всегда опосредованная коммуникация в рамках социальной сети, форума, блога, не всегда предполагающая мгновенные ответные реакции на высказывания. Тем не менее, специфика такого общения «работает» на организацию процесса вспоминания «старых добрых времен». Катализатором часто служит визуальный материал, который в момент «узнавания» провоцирует пользователей на эмоциональные реакции.

В диссертации отмечается, что «постсоветское» выстраивается, во многом используя механизмы советской коллективной идентичности, сюжеты и символический ресурс советского мира. Дискурсом, наследуемым постсоветской действительностью из прошлого, является дискурс имперского величия, исключительности, на которых базировалась коллективная идентичность советского человека.

В постсоветской действительности происходит ностальгическая переоценка определенных сторон советского социального устройства и жизненного уклада. Прежде всего, положительная переоценка коснулась структур коллективной солидарности и символов державного престижа. Практики ностальгирования оказываются включенными в потребительские практики современного общества. В этой связи «советское» в постсоветской действительности переформируется в соответствии с модусами современности. Этот процесс поддерживается работой коллективной памяти, механизмы функционирования которой определяются массовой культурой.

В **Заключении** формулируются основные результаты проведенного исследования, выводы концептуального характера, указывающие на научную новизну исследования, теоретическую и практическую значимость.

Основное содержание диссертации отражено в следующих **публикациях**:

Статья, опубликованная в ведущем рецензируемом научном журнале, определенном ВАК РФ

1. Смолина Н.С. Тема «советского» в социально-философском дискурсе 2000-х: проблематизация коллективной идентичности постсоветского человека / Н.С. Смолина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 97. – С. 154–161. (0,6 п.л.).

Другие публикации

1. Смолина Н.С. Феномен коллективной памяти: от советского к российскому контексту / Н.С. Смолина // Человеческая жизнь: ценности повседневности в социокультурных программах и практиках: Материалы X НПК Гуманитарного университета : в 2 тт. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2007. – Т. 1. – С. 137–140.

2. Смолина Н.С. Ментальность как система универсалий культуры / Н.С. Смолина // Вторые Лойфмановские чтения: универсалии культуры : Материалы Всерос. науч. конф. (Екатеринбург, 19–20 декабря 2006). – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. – С. 152–154.

3. Смолина Н.С. Коллективная память о прошлом в структуре постсоветской ментальности / Н.С. Смолина // Сумма философии : Сб. науч. тр. Вып. 7. – Екатеринбург : Изд-во урал. ун-та, 2007. – С. 220–222.
4. Смолина Н.С. Проблема идентичности российского человека: советское в постсоветском / Н.С. Смолина // Современная Россия: путь к миру – путь к себе : Материалы XI Всерос. науч.-пр. конф. Гуманит. Университета 10-11 апреля 2008 г. В 2 тт. – Екатеринбург : Гум. Ун-т, 2008. – Т 1. – С. 112–114.
5. Смолина Н.С. Теоретико-методологические основания социально-топологического анализа ментальности / Н.С. Смолина // Дни науки филос. ф-та – 2008 : Международн. Научн. Конф. – Киев, 2008. – Ч. III. – С. 100–102.
6. Смолина Н.С. Советская действительность: попытки современного анализа (на материале работ М. Рыклина и Л. Гудкова) / Н.С. Смолина // Сумма философии: Сб. науч. тр. Вып. 5. – Екатеринбург : Изд-во науч. ун-та, 2006. – С. 154–157.
7. Смолина Н.С. «Советское» в адаптационных механизмах: преодоление кризиса идентичности / Н.С. Смолина // Советская культура в современном социопространстве: трансформации и перспективы : Материалы научн. интернет-конференции, Екатеринбург, 28–29 мая 2008 [Электрон. ресурс] : <http://elar.usu.ru/handle/1234.56789/1639.html>
8. Смолина Н.С. Социально-топологический анализ ментальности / Н.С. Смолина // Гуманитарные штудии : Сб. науч. трудов. – Киев, 2008. – Вып. 4. – С. 111–115.

Подписано в печать 11.11.09 г. Формат 60×84/16
Печать офсетная. Бумага типографская.
Усл. печ.л. 1,5 Тираж 100 Заказ №

Уральский государственный университет
620083, г. Екатеринбург, К-83, Ленина, 51
Типолаборатория УрГУ